

Тамара ПАВЛЕНКО

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Два рассказа

ПИСЬМО ЛЮБВИ

Зимой 1945 года студент Ростовского авиационного техникума Саша Степанов, как и большинство его ровесников, помимо учебы, увлекался радиodelом, собирал приёмники и большую часть свободного времени выходного дня проводил со сверстниками на Ростовском рынке (толчке), где можно было купить, достать, обменять всякую нужную деталь, поговорить о таком важном занятии, как радиodelo, выслушать советы бывалых, да и самому ободрить начинающего конструктора.

Однажды в январе, в трескучий мороз, во время торговли он увидел в этой суетливой толпе маленькую, худенькую старушку в заношенном, грубом, суконном пальто. Голова ее и лицо были замотаны в несколько старых косынок и платков, завязанных узлами несколько раз. В руках она держала конверт с пачкой открыток и крепко прижимала их к груди. Возле старушки уже клубилась туча народу. Всем стало интересно, что это такое она там припрятывает? Оказывается, она продавала старинные дореволюционные открытки. Так уж время сложилось, что открыток о любви давно не выпускали, а всё больше о войне белых и красных. Не пошлешь же любимой девушке открытку с толстым буржуем на штыке у красноармейца.

А у бабушки на открытках цвели дивные цветы невиданной красоты и грации, прекрасные юноши и очаровательные девушки влюбленно смотрели друг на друга. Другая, сказочная жизнь цвела на открытках! Везёт же кому-то! Давно молодёжь не видела такой красоты! Мечта о любви не спешит покидать даже взрослого человека, тайно живет в нем и ждёт... ждёт... ждёт... Открытки у старушки разбирали охотно. Бабушка волновалась, покрикивала, мол, не забудьте заплатить за открытки, всего два рубля штука! Кому не нравится – верните! Куда там! Кто-то возвращал открытки, кто-то совал себе за пазуху, кто-то молча передавал деньги, два рубля за открытку. Старушка явно не умела торговать и даже прослезилась. Саша вытащил себе из бабушкиной пачки присмотренную открытку, но какой-то амбал нахально выхватил её у него из рук. Саша сорвался! Тут же завязалась потасовка, одному хочется эту открытку, и другому она приглянулась, и открытку они разорвали поперек пополам. Парень с досадой швырнул куски на землю, развернулся и быстро потрусил прочь!

Саша наклонился, помогая старушке, которая, вытирая слёзы, собирала обрывки. Вот она, выбранная Сашей открытка: обнаженное со спины прекрасное женское юное тело! Он подберёт хороший клей и склеит эту избранную душой девушку. Он еще не знал близости с женщиной, и сердце его колотилось. Саша хотел эту открытку и только эту! Он не мог с ней расстаться! Он достал из внутреннего кармана куртки пропуск в техникум, аккуратно вложил туда разорванную пополам открытку и снова бережно спрятал в тайную глубину внутреннего

кармана, затем осторожно вытащил из другого кармана малюсенький комочек денег, подошел к старушке.

– Спасибо, – сказал ей потихоньку и аккуратно вложил в её ладонь два рубля.

Бабушка заулыбалась, сказала:

– Клей найдёшь у столяров, склеишь, незаметно будет! Дай Господь тебе такую красивую жену, как на картинке, чтобы ты любил ее одну всю жизнь!

Он засмеялся:

– Так и будет, бабушка! Не сомневайтесь!

Он должен был купить на эти деньги пирожки с ливером, позавтракать, но это ерунда. Обойдётся без завтрака.

Семья Саши жила на дальнем хуторе в Сальских степях, там уж весь сельский молодежь подобрали на фронт. Отец и старший брат уже два года воевали. Мать каждый вечер падала на колени перед иконами и молилась о здравии родных. Похоже, услышала её Мать Божия. Ранены были родные, но живы. После госпиталя опять на фронт, теперь уж все понимали, что война скоро кончится! Уж 1945 год пошёл, уже в Европе воюют, но и это время пережить надо.

Саша каждое лето работал в колхозе, как взрослый, и его считали за полноценного работника, когда хромой председатель говорил, мол, вон сколько у нас теперь мужиков-то! И Саша гордился, что его считают взрослым мужчиной. В мае 1944 года ему исполнилось семнадцать лет. И мать снова заволновалась, хоть и понимали все, что через кровь, через боль, через смерть – войне скоро конец! И Победа навстречу идёт, но тревожно было, скорей бы, скорей! Кто счастливый, тот уцелеет!

И тут слух пошел, что в Ростове открылся авиационный техникум самолётостроения. Учащиеся авиационного техникума имели право на бронь! Не на фронт сразу пойдет парень, а какое-то время будет учиться. А там уж видно будет, как судьба повернет, 45-й год скоро пойдёт. Бог даст, уберётся парень! Страна из последних сил растила конструкторов, строителей новых самолетов. Классный руководитель сельской школы любил Сашу, предрекал ему научную карьеру. Он забежал к ним домой, рассказал новость, выпросил у председателя колхоза лошадь, и поехали они с Сашей в Ростов поступать в техникум. Там посмотрели его отличные отметки, спросили на память пару школьных формул, прошел Саша через медкомиссию! Худенький парнишка, но крепенький! Послушали, полюбовались будущими бицепсами, пошутили, похлопали по спине, по плечам: «Берём!» Матери Саши вечером от радости плохо стало. Отпаивали валерьянкой.

Учитель был счастлив, что Сашу взяли на учебу, удачный был день! Так что много чего они успели с Сашей за этот день! Даже на квартиру к родственникам напросились на время. Кто-то ехидно сказал учителю, мол, родственничка от призыва отводишь? А учитель быстро так повернулся и резко сказал: «А кто страну будет восстанавливать? Ты вот, смотрю, без руки, а у меня чахотка. Кто будет работать?!» Замолчали. Дальние ростовские родственники разрешили Саше пожить у них на квартире в Ростове, пока либо дадут ему место в общежитии, либо другая родня перехватит мальчишку, чтобы эти отдохнули. Однако характер у Саши был хороший, на скудость еды не жаловался, по хозяйству старался помочь, работал вместе с хозяйскими детьми, всех организовал! Справились! Уголь сгружал, дрова колот. Скоро среди родни он прозвище заслужил: «Золотой парень!»

...Вернувшись с рынка, Саша пообедал, убрал за собой посуду и ушёл в свою комнатку-норку. Нужно было разобраться в своих приобретениях. И вдруг, перевернув избранную открытку, увидел – на обороте что-то написано мелким-мелким почерком. На открытке, отпечатанной в Париже, сидела на скамейке возле озера, спиной к зрителю, обнаженная молодая девушка, изящная, красивая купальщица. И никаких подробностей, никаких заглазочек, только юная обна-

жённая спина молодой девушки с простой, но изящной причёской. На обратной стороне открытки письмо мужа к жене, написанное по-русски очень мелко, видимо, автор сэкономил место. Саша стал читать:

«Анюточка! По-моему, эта фигурка изображает твою фигуру, ты только несколько тоньше. Сегодня видел во сне тебя и Сашу вашего. Хотя тебя-то я часто вижу. Получил письмо от Василия, от 6 сентября, жив и невредим, находится в Австрии; участвовал в нескольких боях и атаках. Ну что, как живешь? Как видишь, я пишу довольно часто (это письмо №9). Живу хорошо, чувствую себя великолепно. И.И. ещё не приехал из Хабаровска (на днях будет). Как Ксюша? Растёт ли? В. К. говорил, что она будет красавица. Какие известия имеешь от братьев? Что нового в России (в Петерб?) Ну, целую тебя крепко и много. Как ты себя чувствуешь? Худеешь или полнеешь? Возможно, что приеду в Россию раньше и не дам тебе ни худеть, ни полнеть. Целую! Твой Александр. Привет вашим!»

Открытка, видимо, была послана в конверте, никаких почтовых знаков отку-да и куда на ней не было. Понятно было только, что написана она явно во время Первой мировой войны, почти тридцать лет назад, тогда же и дошла до Ростова. Муж явно работал где-то на Дальнем Востоке, похоже, дипломат, родственник воевал в Австрии. И вдруг Саше сделалось так тоскливо, что вздохнуть больно! Еще никогда так не было. Что это с ним? Встревожили его слова «Как дела в Рос-сии? В Петербурге?» Автор письма и представить себе не мог, что скоро в России будет революция! Понял Саша, что он уж взрослым становится, и тревожится не только за себя, но и за свою страну, что пожить ему хочется, а неизвестно, что ещё будет, а время его подходит, и тут навалилась на него его внутренняя тоска по жизни и любви!

Он вышел в большую общую комнату, где вся семья, гости и его учитель с разгоревшимися лицами обмывали Сашин успех на экзаменах в зимней сессии и предлагали ему выпить. Но Саша отрицательно покачал головой, и учитель вско-чил как петух: «Ему нельзя, ему нельзя!» Но закричали: «Мужик и этому должен научиться!», налили рюмку самогона. А на столе разваристая картошечка, посы-панная укропом, винегрет с квашеной капустой, морковкой, свеклой. Положили Саше в тарелку угощение, подняли стаканы, чашки. Выпили. Крякнули. Помолча-ли. Ясно за что пили. Чтоб война скорее кончилась. У пожилых хозяев тоже сын и брат воевали. Саша посидел за столом, отдышался, поблагодарил, встал и вышел в свою комнатку. И почему-то подумал, что его девушку будут звать Анюта. Как в открытке. Он Александр, она – Анюта. Ну что ж, Анюта... Где ты? Посмотрим!

Через несколько дней, после занятий, Саша стоял на трамвайной остановке. Народу собралось много. Трамвай подходил, но не тот, который нужен Саше. Тол-па зашевелилась. Люди с работы, школьники со второй смены из школы. Рядом курсистки-бухгалтерши. Одна была уж очень хороша. Парни шею сворачивали. И Саша её заметил.

Вот уж и трамвай подъехал, затормозил. И пошел обмен, одни из трамвая, другие в трамвай. И тут рядом стоящая девушка с досадой говорит: «Забыла Анечке вернуть её шарфик. Утром я замерзла после дороги, уж очень долго жда-ли трамвая, и она шарфик мне свой дала, чтоб я погрелась, а я его потом в порт-фель сунула и отдать забыла. А ей от трамвая ещё идти далеко, замерзнет! По-бегу к водителю, пусть передаст через пассажиров Анюте Смирновой».

Тут Саша развернулся, сказал девушке: «Давайте мне шарфик. Мне с ней по дороге. Я ей отдам...» И девчонки ему поверили, шарфик отдали. Саша побежал, втиснулся последним в трамвай, откуда только силы у него взялись! Они с Аню-той стали встречаться, пережили и общее счастье – Война кончилась! Победа!

А ещё через год, летом вместе поехали по направлению на новый авиацион-ный завод в большой сибирский город. Открытку склеили, берегли как талисман. Саша заочно окончил институт, на работе им дорожили, его уважали и подчинен-

ные, и начальство, он со временем стал главным инженером завода. Воспитали троих детей, потом внуки пошли. Жили они долго и счастливо, в любви и согласии, как и пожелала ему старушка с открытками! Пришло время, и они праздновали 50-летие своего брака. Гости удивлялись, восхищались, спрашивали, как они познакомились, изумлялись, что случайная встреча в трамвае так связала их на всю жизнь. Оказывается, и так бывает!..

А Боги смеялись всё утро и вечер! Смешила их фраза: «СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА!»

ЭХО ВОЙНЫ

С этой симпатичной молодой женщиной, Наташей, работали мы в редакции одной газеты. Наташа была намного моложе меня, но это не помешало нашему доброму знакомству, а потом и дружбе. В свое время приехали они с мужем в наш казахстанский город Актау. Люди здесь хорошие, интеллигентные. Зарботки тоже приличные, квартиры давали молодым семьям достаточно быстро. Приезжий народ радовался и работе, и заработкам, и квартирам. Но мечта растёт и расцветает у молодых семей — им хочется купить легковую машину. Или квартиру в России. Наташа так радовалась, когда купили они в родном городе Великие Луки хорошую трёхкомнатную квартиру. Стоит квартира, ждёт хозяев. Наташа часто вспоминала Псковщину, всё рассказывала, какие там леса, какие ягоды, грибы, цветы! Какая речка! И часто, словно про себя, приговаривала: «Вот уж передем, будем жить в своей квартире, в Великих Луках!»

О чём бы разговор ни шел, Наташа обязательно вставит про Великие Луки, ягоды и грибы. Однажды я проговорила, сказала: «Да... мой отец рассказывал, какие там страшные были бои!» Наташа вспыхнула, перевела дух и спросила: «А что, Тамара Михайловна, ваш отец воевал под Великими Луками?» Я еле успела вставить, что отец мой в боях не участвовал, он врач-хирург. Рассказывал, что медицинские работники с ног валились, а раненых всё везут, и везут, и везут... Все, кто был в комнате, вдруг примолкли. Страшная была война!.. Наташа вспомнила, как читала, что в городе остались целыми только два здания. Медсанбаты и госпитали располагались в близлежащих поселках. Моему будущему отцу, сказала Наташа, один хирург буквально жизнь спас. У нас в семье это как легенда. Стали её просить, чтобы рассказала, что случилось.

Она стала рассказывать:

— Большая семья, мать (моя бабушка) и шестеро детей, жили в пригородном посёлке Петрово. Муж и двое старших сыновей воевали под Сталинградом, а младшему мальчику, моему будущему отцу, в 1943 году было 7 лет. Однажды он и его сестренка-двойняшка бегали друг за другом вокруг стола. На столе стояла керосиновая лампа. Вдруг мальчик споткнулся, упал, сильно толкнул стол, лампа на столе упала, горящий керосин полился ему на голову и спину. У него загорелись волосы и рубашка! Конечно, поднялся крик, плач! Мать скорей завернула сына в одеяло, и морозным вечером побежали они в госпиталь, который недавно развернули в их посёлке. И все они, и мать, и сын, и сестренка кричали. Мальчик от ожогов, мать и сестрёнка от душевной боли сострадания и своей вины — недосмотрели!

В приемной их встретила дежурная медсестра, приняла мальчика на руки, вызвала дежурного хирурга. Тот зашел, быстро выслушал, что случилось, сказал медсестре: «Шура, раздевай и неси его в операционную! Я иду мыться!» Шура бережно унесла драгоценную ношу, а мать с сестренкой плакали и читали молитвы.

Через недолгое время вернулась медсестра Шура и строго сказала: «А ну-ка перестать плакать! Ваш ребенок на связи душевной с вами! Перестаньте плакать,

и ему будет легче!» Мать и сестренка смотрели на медсестру, и доктор стоял у них перед глазами, поверили, перестали плакать и причитать, только безмолвные тихие слёзы заливали лицо матери, да сестрёнка тихо шмыгала носом. Медсестра распорядилась, куда им сесть, налила в чистые стаканы воды, поднесла обеим. Они пили её, как сказочную живую воду, словно в ней было спасение мальчика, попросили ещё.

– Из вас вся вода вышла слезами, – сочувственно улыбнувшись, тихо сказала медсестра, наливая воду в стаканы. – Не плачьте, всё будет хорошо! Этот молодой хирург лучший у нас в госпитале. Считайте, что вам повезло. Вот увидите, мальчик быстро начнет выздоравливать. У этого врача руки не золотые, а волшебные.

Вскоре вышел хирург, сказал матери, мол, не отчаивайтесь, он скоро пойдет на поправку. Пока у нас есть места, пусть полежит здесь. Наверное, завтра ещё будет тихо, а уж как начнется стрельба в городе, бегите сюда и забирайте его домой, но он будет уже другой, выздоравливающий! Дома долечится. Дадим вам все нужные лекарства, будем навещать, присматривать. Обещаю, что он уже сегодня пойдёт на поправку. Последим за ним. Спать сегодня будет на животике, потом посмотрим, какой бочок здоровее, на котором удобнее лежать. Мать снова заплакала и низко поклонилась доктору. Он смутился, покраснел: «Ну, вот этого не надо, мамаша! Все мы люди-человеки, должны помогать друг другу!» И ушел в палаты.

Мать спросила: «Как имя-отчество и фамилия у доктора? Я хоть в святцы его запишу, буду за него молиться, как за родного!» Медсестра взяла маленький листочек бумаги, черкнула несколько слов. Сказала: «Вот, молитесь за него, больше ему ничего не надо».

Они пришли с дочкой домой. Мать разделась, села, надела очки и прочитала по бумажке...

Наташа запнулась...

– Вот... Я, кажется, забыла... зовут его Миша... Михаил! Фамилия у него особенная... красивая... словно соборная... Вознесенский, кажется, а отчество не помню совсем»

И тут я не выдержала:

– Воскресенский Михаил Федорович!

– Точно! – обрадовалась Наташа, удивилась: – А вы откуда знаете?

– Это мой отец, Воскресенский Михаил Федорович!

Тут народ взволновался, удивился, обрадовался. А мы с Наташей разом взяли за руки и прослезились. Женская привычка плакать и от горя, и от радости! Ни моего, ни её отца уже не было в живых, но было такое чувство, что они здесь, с нами, смотрят на нас и улыбаются. И кажется совершенно невероятной наша встреча и разговор с Наташей. Она приехала в Актау с Псковщины, а я с Дона, словно две пылинки столкнулись в огромном зале.

Я спросила Наташу, как сложилась дальше его жизнь. Она рассказала, что он окончил школу и пошёл служить в армию, забрали его в военно-морской флот на пять лет. Служил он в Керчи, в палубной авиации. Там же, в Керчи, и познакомился с девушкой-студенткой. Знакомство было классическим – любовь, женитьба. Девушка бросила институт, ее родители рассердились на молодоженов, и они уехали в Туркмению строить Каракумский канал. Потом вернулись на Украину. Двух дочек вырастили, вот одна из них, старшая – Наташа. Николай окончил школу милиции, работал следователем...

Жизнь! Обыкновенная, простая и тем прекрасная! Хорошо, что она даётся нам, и спасибо тем, кто любит нас, и кого любим мы, и кто помогает нам эту жизнь любить и сохранять!